

Александр Восьмой

**Книга 9. Артефакт
Пустоты**

18+

Александр Восьмой

Книга 9. Артефакт Пустоты

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 9. Артефакт Пустоты / А. Восьмой — «Автор», 2026

Капитан Рэйв Корбейл — полулегенда, полупроклятие — принял контракт, от которого отказались шесть лучших команд сектора. Груз засекречен. Координаты неизвестны. Оплата — астрономическая. Но условие одно и безоговорочное: если груз не достигнет пункта назначения, все, кто прикоснулся к договору, умрут. Не от пули — от нанояда, который уже в их крови. Груз размером с кулак, заключённый в семь слоёв гермоконтейнера, начинает петь. И каждый на борту старого корыта «Чёрная Канарейка» понимает: это не доставка. Это ловушка, которая захлопнулась ещё до старта. Пустотный Флот блокирует орбиту. Охотники за головами мечут маяки на корпус. Адмирал-марионетка шепчит: «Ты уже мёртв, мальчик». А в трюме просыпается артефакт цивилизации Затмения — пятьсот миров за одну кнопку, миллиарды сознаний, сжатых в точку, и просьба, которую невозможно отвергнуть. Дружба и предательство идут рука об руку. Каждый в команде лжёт о причине лететь.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Книга 9. Артефакт Пустоты

Глава 1. Договор на краю света

Рэйв Корбейл провёл ладонью по изъеденному космосом металлу переборки — «Чёрная Канарейка» стонала, будто чувствовала: этот рейс будет последним. В кармане лежал чип с контрактом — ледяной, как приговор. Условия он знал наизусть: неизвестная точка старта, неизвестный груз, астрономическая плата... и тихий убийца в собственной крови. Нанояд уже бежал по венам, сплетаясь с пульсом, — страховка нанимателя. Если груз не дойдёт — смерть придёт без выстрела, без крика, просто погасит свет изнутри.

В кают-компании собралась команда — не семья, не друзья, а осколки чужих жизней, сбившиеся в стаю ради одного прыжка сквозь тьму. Бортинженер Ксен, чьи пальцы знали каждый шов корабля лучше, чем собственное имя, хмуро проверял узлы. Пилот Лира щёлкала тумблерами, будто пыталась выбить из панели искру надежды. Стрелок Торн сидел в углу, поглаживая ствол винтовки, — он никому не говорил, зачем летит, но в его глазах плескалась старая, горькая обида.

— Мы не спасаем галактику, — бросил Рэйв, останавливая их взгляды. — Мы просто должны выжить. И доставить груз.

Лира подняла бровь:

— А если груз — это причина, по которой никто не хочет его везти?

Рэйв не ответил. Он знал: правда тяжелее любого груза. Двадцать лет назад Пустотный Флот стёр его колонию с орбиты, превратив дома в пыль, а людей — в тишину. Кто-то из тех, кто подписал приказ, теперь стоял по ту сторону контракта. Рэйв не искал справедливости — он искал имя. И когда он его найдёт, космос станет чуть темнее.

Сигнал старта ударил по нервам, как разряд. Корабль вздрогнул, и гравитация на миг исчезла, оставив их висеть между прошлым и будущим. А когда экраны вспыхнули координатами, Рэйв увидел то, что не должен был видеть: в грузовом отсеке, укутанный в экранирующую ткань, лежал артефакт — не коробка, не контейнер, а нечто древнее, пульсирующее тусклым светом, будто дышащее.

«Он способен изменить баланс сил», — прошептал Ксен, глядя на данные.

Рэйв сжал кулаки. Теперь ставки были выше, чем жизнь. Груз не просто нужно было доставить — его нужно было уберечь от всей галактики. И от тех, кто стоял рядом.

Дверь отсека захлопнулась, отрезая свет. «Чёрная Канарейка» рванула в пустоту, оставляя за кормой последние крохи покоя. Впереди ждала тьма — и те, кто жаждал её наполнить хаосом.

Глава 2. Голос в контейнере

Гиперкоридор сомкнулся вокруг «Чёрной Канарейки», как стальная петля. Пространство выгнулось, звёзды превратились в размазанную полосу света, а тишина стала густой, почти осязаемой — и в этой тишине вдруг прозвучал голос. Не из динамиков, не из переговорников. Он возник прямо в голове — чистый, звенящий, будто сотканный из льда и звёздной пыли.

Мелодия. Одна и та же для всех — и в то же время разная. Для Лир она стала шёпотом матери, который та шептала ей перед сном на умирающей колонии. Для Торна — рёвом орудийного залпа, что когда-то разорвал его юность. Рэйв же услышал смех — детский, звонкий, из той жизни, где у него ещё были дом и семья, прежде чем Пустотный Флот стёр их с орбиты.

А потом мелодия сменилась сигналом — чётким, ритмичным, как пульс древней машины.

Тень застыл над панелью, пальцы замерли над переключателями. Его лицо, обычно непроницаемое, исказилось — не от страха, а от узнавания.

— Это он, — выдохнул механик, не сводя глаз с экрана. — «Сердечный Камень». Сигнал цивилизации Затмения. Флот искал его сто лет... и вот он у нас.

Рэйв шагнул к монитору, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел.

— Что значит «он»?

— Он не просто артефакт, — Тень говорил быстро, будто боялся, что слова рассыплются в вакууме. — Он — ключ. Может открывать звёздные врата где угодно. Или запирает целые системы, отрезая их от остального космоса. Пятьсот миров — по нажатию одной кнопки.

В грузовом отсеке контейнер тихо пульсировал сквозь семь слоёв защиты, будто прислушивался к их голосам.

Лира провела ладонью по виску, словно пытаясь стереть звучащую в голове мелодию:

— Значит, наниматель не хочет просто доставить груз. Он хочет, чтобы нас нашли.

Торн хмыкнул, но в его усмешке не было веселья:

— Или чтобы мы привели его врагов прямо к нему.

Рэйв стиснул кулаки. Ловушка. Они уже в ней — и единственный способ вырваться — не дать артефакту попасть не в те руки.

— Держим курс, — бросил он, разворачиваясь к выходу. — И не сводите глаз с контейнера. Если он снова «заговорит» — докладывайте сразу.

Корабль вынырнул из гиперкоридора в тёмную, безмолвную пустоту. На экранах вспыхнули новые отметки — чужие сигнатуры, стремительно растущие в числе. Кто-то шёл по их следу. И этот кто-то знал, что на борту «Чёрной Канарейки» теперь хранится сила, способная перекроить карту галактики.

«Мы не просто курьеры, — подумал Рэйв, глядя на мерцающие точки на радаре. — Мы — мишень».

И в этой гонке на выживание каждый из них должен был решить: кому он верен — контракту, команде... или себе.

Глава 3. Первая кровь — нассовские охотники

«Чёрная Канарейка» вынырнула из гиперкоридора — и тут же мир взорвался сигналами тревоги. На радарх вспыхнули три силуэта — хищные, угловатые, с характерным изломом крыльев: нассовские охотники за головами. Клан, который не берёт пленных и не торгует пиратами — он торгует их органами. Для них Рэйв был не человеком, а набором запчастей с тройной ценой за живую доставку.

— В облако! — рявкнул Рэйв, и Лира, не дожидаясь подтверждения, рванула штурвал, швыряя корабль в серую муть ионного пепла — остатки мёртвой звезды.

Пепел облепил экраны, превратив космос в глухую стену. Радары захлебнулись помехами, датчики кричали от перегрузки. В этой слепоте «Канарейка» вдруг обрела преимущество: здесь она знала каждый вихрь, каждую ловушку течения. Здесь она была дома.

Торн и Клешня встали к орудиям. Первый залп нассов прошёл мимо — они стреляли по данным, которых больше не было. Второй — уже наугад. А «Канарейка» отвечала точно, будто видела сквозь тьму.

Лира считала вектора, зажмурившись, доверяя только памяти и интуиции. Её пальцы летали по панели, выжимая из корабля невозможное. Клешня стрелял по звуку — по гулу чужих двигателей, по свисту снарядов, по шороху пепла о броню. Каждый выстрел был как удар сердца — чёткий, безжалостный.

В медотсеке доктор Сайлас спокойно перезаряжал полевые инъекторы. На фоне воя сирен и тряски он казался почти отстранённым — будто всё это было для него лишь продолжением давно проигранной битвы. «Паника — роскошь, которой у нас нет», — бросил он, когда мимо пронеслась искра короткого замыкания.

Бой кипел, как шторм. Один из нассовских кораблей вспыхнул и рассыпался на обломки — слишком близко подошёл к ядру облака, где плавилось даже железо. Второй отступил, теряя тягу. Третий... Третий успел.

Когда «Канарейка» вырвалась из пепла в относительно чистую пустоту, на корпусе уже сидел чужой маяк — крошечный, ядовитый, как жало. Он пульсировал, отправляя координаты всем, кто хотел знать, где искать Рэйва. Теперь их видели все.

Рэйв смотрел на экран, где мигала точка маяка, и чувствовал, как холод ползёт по позвоночнику. Ловушка захлопнулась не там, где они думали. Враг не ждал их в точке назначения — он шёл по следу, который они сами оставили.

— Сбить, — коротко бросил Рэйв.

Тень кивнул, уже подключая ручной модуль. Пальцы его мелькали над разъёмами — быстро, уверенно, как у человека, который привык чинить то, что должно было давно умереть.

Но Рэйв знал: даже если они сорвут маяк, запах уже разнесён по сектору. Теперь охота только начиналась. И каждый из них — не просто член экипажа, а звено в цепи, которая могла порваться в любой момент.

«Мы выжили, — подумал Рэйв, глядя, как Тень срезает маяк с обшивки. — Но теперь нас ищут не ради награды. Нас ищут ради того, что лежит в грузовом отсеке».

И в этой тишине, наступившей после боя, громче любого сигнала звучала одна простая истина: впереди — не просто погоня. Впереди — война.

Глава 4. Предложение, от которого нельзя отказаться

Станция «Пожиратель» дышала, как живой зверь: скрипели стыковочные узлы, шипели шлюзы, в коридорах висел тяжёлый запах перегретого металла и чужого страха. Это была нейтральная территория — место, где слово ничего не стоило, а нож в темноте ценился куда выше любых клятв. Здесь пираты торговали с торговцами, а торговцы резали пиратов в тёмных переходах — и никто не задавал лишних вопросов.

Рэйв шёл по узкому трапу, чувствуя спиной взгляды из полумрака. Он знал: на «Пожирателе» тишина — это не покой, а прицел, наведённый между лопаток. И всё же он пришёл. Нужно было сбросить ложные маяки, перекрыть следы, найти хоть тень укрытия. Но главным было другое — понять, кто ведёт эту игру.

В полутёмной кают-компании «Старого якоря» его уже ждали. Не банда, не охрана — один человек. Седой. Адмирал Пустотного Флота в отставке. Тот самый, чья подпись двадцать лет назад превратила его колонию в пепел на орбите. Теперь он сидел в потрёпанном кресле, будто хозяин этого мрака, и смотрел на Рэйва так, словно видел в нём не врага, а старую ошибку, которую наконец можно исправить.

— Ты знаешь, что у тебя на борту, — спокойно произнёс Седой, не поднимая голоса. — «Сердечный Камень». И знаешь, что за ним охотятся все. Я могу это остановить.

Рэйв не шевелился. В груди что-то сжалось — не от страха, а от тяжести момента.

— Как?

— Отдай артефакт мне, — Седой чуть наклонил голову. — Я сниму нанояд с тебя и твоей команды. Скажу имя нанимателя. И мы в расчёте.

Слова падали, как камни в колодец. Обещание, от которого хотелось схватиться обеими руками. Свобода. Месть. Конец этой гонки.

Рэйв уже почти кивнул. Почти поверил.

Но тут в полумрак шагнул Сайлас — тихий, неподвижный, будто тень, которая научилась думать. Его взгляд скользнул по рукам Седого — по тонким, почти незаметным подёргиваниям пальцев, по едва уловимой дрожи в запястье.

— Он тоже заражён, — тихо произнёс доктор, не глядя на Рэйва. — Нанояд. Та же формула. Он не свободен. Кто-то выше него. Кто-то дёргает за ниточки и его, и твоего нанимателя. Седой не вздрогнул. Только уголок его губ дрогнул — то ли в усмешке, то ли в боли.

— Да, — признал он, не отводя глаз. — Я тоже под прицелом. Но я знаю, как выжить. И могу спасти тебя.

Рэйв медленно выдохнул. Теперь всё встало на свои места. Не сделка. Не спасение. Ещё одна ловушка — только крупнее, чем он думал.

— Нет, — сказал он, и в этом слове не было ни ярости, ни пафоса — только холодная ясность. — Мы сами доберёмся до конца.

Седой откинулся на спинку кресла, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на сожаление.

— Ты уже мёртв, мальчик, — прошептал он, когда Рэйв развернулся к выходу. — Просто ещё не упал.

Коридор встретил Рэйва гулкой тишиной. За спиной щёлкнул замок — будто захлопнулась дверь в прошлое. Впереди ждала пустота, полная врагов, и груз, который мог изменить галактику. А ещё — команда, которая верила ему. Или делала вид, что верит.

«Мы не умрём сегодня», — твёрдо подумал Рэйв, сжимая кулаки. — «Не здесь. Не так».

И «Чёрная Канарейка», будто услышав эту мысль, тихо загудела двигателями, готовая снова броситься в шторм.

Глава 5. Мятеж в машинном отделении

В машинном отделении «Чёрной Канарейки» царил привычный ад: воздух дрожал от гула реактора, по стенам бегали блики аварийного света, а каждый шов обшивки будто шептал о скорой гибели. Здесь Тень чувствовал себя дома — среди железа и пара, среди вещей, которые можно починить, если знать, куда приложить руку.

Сегодня он чинил не корабль. Он вскрывал внешний слой контейнера. Не ради предательства. Ради истины, которая жгла ему пальцы ещё до того, как он коснулся металла.

Камень отозвался мгновенно — не звуком, не светом, а болью. Она ворвалась в сознание Теня, как шторм, и развернула перед ним целую вселенную. Он увидел цивилизацию Затмения — не мёртвую, не стёртую из истории, а сжатую, упрятанную внутрь артефакта. Миллиарды сознаний, переплетённых в одной точке, ждали. Камень был не оружием — он был ковчегом. И он просил. Без слов, без крика — одной бесконечной, тихой мольбой: доставить его к последним Вратам Затмения, чтобы открыть их и вернуть свой народ в материальный мир.

Тень отшатнулся, прижимая ладонь к виску, будто хотел выдавить из головы эту правду. Металл контейнера тихо щёлкнул, закрываясь обратно, но было уже поздно: знание въелось в него, как ржавчина в старую броню.

Лира нашла его у переборки — бледного, с дрожащими пальцами, с глазами, в которых отражался чужой космос.

— Что ты видел? — тихо спросила она, не прикасаясь, будто боялась спугнуть.

Он выдохнул, и слова посыпались, как осколки стекла: про ковчег, про миллиарды душ, про Врата, про просьбу, которая звучала как приговор.

Лира слушала, не перебивая. А когда он закончил, просто покачала головой:

— Никому не говори. Если кто-то узнает, что Камень — это не оружие, а целая цивилизация, баланс рухнет в ту же секунду. Кто-то обязательно перехватит контроль. И тогда не будет ни спасения, ни справедливости — только новая война.

Тень сжал кулаки:

— Но мы не можем просто везти его дальше, будто ничего не знаем!

— Мы можем выжить, — жёстко сказала Лира. — Это сейчас самое важное.

Но он уже не мог молчать. Правда жгла его изнутри, требуя выхода. В трюме он столкнулся с Клешнёй — тот стоял у контейнера, скрестив руки, и смотрел на Тень так, будто уже всё понял.

— Ты вскрыл его, — не спросил, а констатировал Клешня. — И теперь знаешь, сколько это стоит.

— Это не товар, — глухо ответил Тень.

— Для меня — товар, — спокойно парировал Клешня. — Давай продадим его Седому. Возьмём деньги. Купим корабль. Уйдём туда, где нас никто не найдёт.

Внутри Тень что-то надломилось. Не от страха, не от жадности — от того, насколько буднично прозвучало предложение обменять миллиарды жизней на новый двигатель и свободу.

— Нет, — выдохнул он.

— Да брось, — усмехнулся Клешня, шагнув ближе. — Ты же не герой. Ты механик. Ты хочешь просто жить.

И тогда Тень ударил.

Драка вспыхнула мгновенно — в тесном пространстве трюма, среди труб и кабелей, где каждый удар отдавался гулом по всему кораблю. Они катались по полу, цепляясь за выступы, сбивая панели, ломая то, что и так едва держалось. Металл стонал, как живое существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.